

**ВАРІАНТИ ВИМОВИ НІМЕЦЬКИХ ГОЛОСНИХ [i:] ТА [ɪ]
(НА МЕТЕРІАЛІ ЗАПИСІВ МОВЛЕННЯ РОСІЙСЬКОМОВНИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦІВ)**

жінок і чоловіків складало менше 4 % під час реалізації фонем [i:] та не більше 10 % у ході реалізації фонем [ɪ]. Вірогідно, цей факт можна пояснити впливом позамовних факторів: більшість чоловіків працевлаштовані, відвідують перекваліфікаційні курси чи шукають роботу; жінки надають перевагу спілкуванню з родичами та родиною і перебувають удома. Таким чином, чоловіки, які більше розмовляють з німецькомовним населенням, поліпшують своє володіння німецькою мовою.

Крім того, вивчення реалізації фонологічних змінних [i:] та [ɪ] дає змогу встановити, що в німецькому мовленні інформантів наведені голосні зазнали кількісної та якісної редукції. Зміни спостерігалися в ситуаціях підготовленого (монологічного) та непередготовленого (діалогічного) мовлення. Найбільша кількість варіантів реалізації голосних [i:] та [ɪ] спостерігалася у відкритих і закритих наголошених і ненаголошених складах, перед або після сонорних [r] та [n]. Здебільшого особливості вимови голосних [i:] та [ɪ] пояснювалися наявністю фонетичної інтерференції.

При вивченні варіативності вимови інформантів у віковому аспекті виявлено дві основні тенденції: мовлення представників старшої вікової групи характеризувалося наявністю більшого відсотка фонетичної інтерференції та більшою кількістю нестандартних реалізацій фонологічних змінних [i:] та [ɪ], ніж мовлення респондентів інших груп. Серед російськомовних переселенців Німеччини більш коректним є мовлення представників молодшої вікової групи.

Соціофонетичне дослідження німецького мовлення інформантів чоловічої та жіночої статі дозволило виявити різницю у правилах реалізації фонологічних змінних та їхніх варіантів у мовленнєвій поведінці чоловіків і жінок. Як показали спостереження, мовлення інформантів-жінок, як правило, характеризується менш високим рівнем вживання німецького стандартного варіанту вимови, ніж мовлення чоловіків, і відрізняється наявністю більшої кількості варіантів вимови.

Аналіз німецького мовлення російськомовних переселенців є актуальним завжди, оскільки розкриває безмежні можливості для наукової і навчальної діяльності, дозволяє прогнозувати розвиток німецької мови у мігрантів і корегувати його за необхідністю.

Джерела та література:

1. Baur R. Die Unbekannten Deutschen. Eine Lese- und Arbeitsbuch zu Geschichte, Sprache und Integration russlanddeutscher Aussiedler / R. S. Baur, C. Chlosta, C. Krekeler, C. Wenderott.– Baltmannsweiler : Schneider Verlag Hohengehren, 1999. – 184 s.
2. Frank H. Zur sprachlichen Entwicklung der deutschen Minderheit in Russland und in der Sowjetunion / H. Frank. – Frankfurt am Main : Peter Lang Verlag, 1992. – 264 s.
3. Giles P. Regionale Prosodie im Deutschen. Variabilität in der Intonation von Abschluss und Weiterweisung / P. Giles // Linguistik – Impulse & Tendenzen. – Berlin, N. Y. : Walter de Gruyter, 2005. – 384 s.
4. Meng K. "Aussiedlerisch". Deutsch-russische Sprachmischungen im Verständnis ihrer Sprecher / K. Meng, E. Protassova // Sprachgrenzen überspringen. Sprachliche Hybridität und polykulturelles Selbstverständnis. – Tübingen, 2005. – S. 229-266.
5. Meng K. Russlanddeutsche Sprachbiografien: Untersuchungen zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien / K. Meng. – Tübingen : Narr, 2001. – 550 s.

Норец М.В.

УДК 811.111

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНОЧНО-ЭМОТИВНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ
СЕМАНТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ТЕКСТА**

Образ и автор – два основных структурно-семантических компонента художественного текста. Они занимают центральное положение в художественном произведении. Эмоции и чувства, которые автор приписывает образу, представляются в тексте как объективно существующие в реальности, а чувства, испытываемые автором и выражаемые им, имеют субъективную окраску. В целостном тексте уровень персонажей и уровень авторского сознания гармонично переплетаются и составляют эмотивную структуру текста.

Образ автора и образы персонажей – фигуры не равнозначные в художественном произведении. Автор связан с изображаемой действительностью, в том числе с миром героев. Двойственность эмотивного содержания обусловлена не только текстовыми свойствами носителей чувства (автор-персонаж), но и функционально. Мирозидение имеет две базисные функции – интерпретативную (осуществлять видение мира) и вытекающую из неё регулятивную (служить ориентиром в мире, быть универсальным ориентиром человеческой жизнедеятельности). «Целостное эмотивное содержание предполагает обязательную интерпретацию мира человеческих эмоций и оценку этого мира с позиции автора с целью воздействия на этот мир, преобразования его» [1, с.18].

Персонаж относится к разряду основных содержательных универсалий. Поэтому эмотивные смыслы, включаемые в его содержательную структуру, обладают особой информативной значимостью в тексте. Эмоции персонажа изображаются как особая психологическая реальность. Целокупность эмоций в тексте – своеобразное динамическое множество, модифицирующееся по мере развития сюжета.

Эмотивные смыслы являются семантическими компонентами микротем сложного синтаксического целого. «Выделяют:

- фрагментарные эмотивные смыслы (обычно совпадают с микротемой отдельного текстового фрагмента, сложного семантического целого);

- фразовые эмотивные смыслы;

- общетекстовые эмотивные смыслы» [2, с. 39].

Семная семасиология характеризуется обилием позиций и подходов к описанию семной структуры слова. Общеизвестными являются представления о структурном характере семы, её полевой модели, о наличии макрокомпонентов в структуре значения (денотация и коннотация).

Эмотивные смыслы необыкновенно гибки, подвижно и вариативно отражаются в лексической семантике. Основанием единой модели глобального описания всего множества эмотивной лексики может служить сема эмотивности, участвующая в манифестации эмоций в семантике слова. Статус семы не только определяется её позицией в семной структуре слова, но и сам определяет характер манифестации эмотивных смыслов слов.

Словарные дефиниции большей части эмотивной лексики сближаются благодаря общему содержанию, имеющемуся в них. А.А. Уфимцева называет «эту интегративную по сущности и трансформированную по форме выражения общую для целого ряда единиц сущностную часть словарной дефиниции - идентифицирующим предикатом» [4, с.13].

Сема эмотивности, по мнению А.А. Уфимцевой, выступая в статусе категориально-лексической семы, выполняет функцию идентифицирующего и обычно представляет собой аналитическое сочетание, построенное по модели «понятие о чувстве + конкретное наименование какого-либо чувства», например: боязнь - чувство страха, опасения; любить - чувствовать глубокую привязанность к кому-, чему-либо.

Основной компонент модели –идентификатор эмотивности А.А. Уфимцева видит идентификатором первой степени (ИЭ 1). Обычно он выражается словами обобщённой семантики типа «чувствовать – feel», «испытывать – experience». Второй компонент - дополнительный идентификатор эмотивности второй степени (ИЭ 2), замещается чаще всего конкретными наименованиями эмоций типа «любовь - love , страх - scare/fear, ненависть – hatred» и другие. Таким образом, категориально - лексическая сема эмотивности, как правило, реализуется сочетанием обобщенного и конкретного предикатов эмотивности (КЛСЭ = ИЭ 1 + ИЭ 2).

В иерархии внутрисемных компонентов категориально - лексическая сема эмотивности занимает одну из первых семантических позиций, т.е. она является зависимой от таких компонентов, как «состояние», «отношение», «действие», «воздействие», «признак», «лицо» и другие. В связи с этим в словарных дефинициях сема эмотивности сливается в единое целое с подобными семами, в результате чего эмоции передаются в языке чаще не как отвлеченные сущности, а как характерные проявления объективной действительности: как состояние, отношение и другое. Например, весело «о наличии веселья, о радостном настроении»; веселеть «становиться веселым»; веселить «вызывать веселье»; веселый «полный веселья»; весельчак «тот, кто имеет веселый нрав»; веселье «радостное настроение».

Базовые идентификаторы эмотивной лексики передают общую идею лексического поля - идею чувства, эмоции как особой психической реальности. Именно они формируют лексическое поле эмоций.

Дополнительные идентификаторы, конкретизируя идею чувства, передают содержание эмоций, которое называют «тоном», «тональностью», «квантом». Тем самым они выполняют классификационно-номинативную функцию. В системе лексики национального языка они представляют систему эмоций так, как она сложилась в жизни человечества и как она осознается человечеством на определенном этапе его существования. Учитывая это, эмотивные смыслы, передаваемые дополнительными идентификаторами, называют денотативно-исходными эмотивными смыслами. По мнению А.А. Уфимцевой «Частотность, повторяемость эмотивных смыслов в семантической структуре слова является критерием выбора имени множеств, содержащих эти эмотивные смыслы» [4, с.15].

По мнению психолога К.Изарда мотивационную систему человека составляют 10 фундаментальных эмоций: «интерес, радость, удивление, горе, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина» [3, с.45].

Семантическое ядро эмотивной лексики составляют частотные слова из множества эмотивной лексики, совпадающие с номинациями базовых эмоций.

С учётом лексической манифестации эмотивных смыслов можно отметить, что вершину иерархии занимают семантические противопоставления «любовь – неприязнь», «радость – горе». Эта семантическая оппозиция имеет глобальный характер, так как входит в набор основных семантических противопоставлений, имеющих для народов мира универсальный характер. Вероятно и некоторые другие эмотивные смыслы (грусть, доброта, злость, страх, стыд и т.д.) можно отнести к разряду универсальных, учитывая их широкую представленность в английском и других языках. Таким образом, эмотивные смыслы, отображающие основные человеческие эмоции, - универсальны, а их лексическая манифестация, с разной степенью глубины и в различных аспектах конкретизирующая их, имеет национальную специфику. Исходные эмотивные смыслы из разряда универсальных и составляют основной каркас психического склада личности. Этот каркас обрастает множеством детализированных номинаций. Представления человека о многообразии и многообразии эмотивных нюансов отображаются в лексическом значении слова во внутренней лексической конкретизации за счет различных дифференциальных признаков, уточняющих категориально - лексическую сему.

Идентифицирующий семный предикат второй степени передаёт сущность эмоции, а уточняющие его дифференциальные семантические признаки определяют её качества, свойства. И только вместе, в различных комбинациях, они передают всё многообразие эмоций. Например, обозначение грусти словами: депрессия, грусть, кручина, меланхолия // sadness, depression, melancholy [3, с.96].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНОЧНО-ЭМОТИВНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ТЕКСТА

Эмотивные смыслы могут быть представлены в лексической семантике как дополнительные, в статусе дифференциальных сем они уточняют содержательно различные категориально-лексические семы. Например, откровение - откровенное признание, сообщение (КЛС сообщение); курьез - смешной, забавный случай (КЛС событие).

Общепринятым является представление, что дифференциальные семы характеризуют отдельные стороны предмета номинации в различных аспектах: субъектно-объектном, собственно определительном, обстоятельстве́нном.

Дифференциальная сема эмотивности принципиально отличается от других представителей этого класса сем: она содержит такого рода информацию, которую призвана обозначать, содержать категориально-лексические семы. По своему содержанию, по денотативной соотнесенности (обозначение чувства), - это предикатная сема, что легко доказывается трансформациями словарных дефиниций. Например, попирать - топтать кого-либо, что-либо, наступать на кого-либо (с презрением) ~ топтать кого-либо, что-либо и испытывать при этом презрение. По позиции в семной структуре слова и по функции - это дифференциальная сема, зависящая от категориально-лексических сем и уточняющая её в различных семантических параметрах. Таким образом, наблюдается совмещение, наложение денотативно-предикативного и функционально-позиционного смыслов, например: балагурить - говорить весело, забавно (КЛС «говорение» + ДСЭ), где дифференциальная сема эмотивности выражает сложный смысл: 1) обозначает определенное эмоциональное состояние (веселье) - денотативно-предикативный смысл; 2) выражает определенное синтаксическое значение (обстоятельство́нно характеризующее) - позиционно-функциональный смысл. Итак, дифференциальная сема эмотивности - это особая, синкретичная по природе сема, занимающая переходное положение между идентифицирующим предикатом (КЛС) и собственно дифференциальными семами. Фактически это скрытая, включенная предикатная сема, существующая в слове в статусе дифференциальной семы [3, с.53].

Источники и литература:

1. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учеб. : практикум / Л. Г. Бабенко. – М. : Флинта; Наука, 2003. – 496 с.
2. Ершова С. Н. Категория эмотивности в жанре дневника / С. Н. Ершова // II Международные Бодуэновские чтения / под общ. ред.: К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2003. – Т. 1. – 346 с.
3. Изард К. З. Психология эмоций / К. З. Изард. – СПб. : Питер, 2007. – 464 с.
4. Уфимцева А. Н. Слово в лексико-семантической системе языка / А. Н. Уфимцева. – М. : 2008. – С. 12-15.

Шиманович Г.М.

УДК 811.111'373

СУЧАСНІ ЛІНГВІСТИЧНІ ПОГЛЯДИ НА ПРИРОДУ І ФУНКЦІЇ ІМЕННИКА ЯК ЧАСТИНИ МОВИ

Частини мови належать до фундаментальних понять лінгвістики. Основні морфологічні й чимало синтаксичних і змістовних характеристик цих класів слів неодноразово були об'єктом дослідження в лінгвістиці. Разом із тим осторонь від розгляду залишалося багато дериваційних і словотворчих рис окремих частин мови, а також їхні дискурсивні властивості. Нові дослідження в сучасній лінгвістиці, в тому числі й в когнітивній, дають можливість зробити нові кроки до більш глибокого висвітлення суті частин мови в усім багатстві властивих їм функцій і у всій складності способів їх формальної репрезентації в мові, що і зумовлює **актуальність** цього дослідження. Крім того, в мові відбуваються зміни, і “граматико-категоріальна динаміка номінативних одиниць у мові є основою для подальших еволюційних змін морфологічної підсистеми” [1, с. 24].

У межах ономасіологічного напрямку частини мови розглядаються насамперед як слова, що називають різні за своєю природою фрагменти світу. Наприкінці ХХ століття ономасіологія почала розгалужуватися у двох напрямках: з одного боку, вона виконує свої первинні завдання – вивчає процес творення номінативних одиниць на підставі словотворчих моделей [2; 3], способи та механізми мовної об'єктивізації різних типів понять [4; 5, 6], семантичні та номінаційні зв'язки [7; 8], когнітивну природу номінативного процесу [9; 10]; з іншого боку, ономасіологічний підхід розглядається як “динамічний, функціонально-комунікативний аспект вивчення одиниць та категорій усіх рівнів, ролі останніх у номінативній діяльності мовця, їхнього смислового завдання, мети використання у конкретному висловлюванні (тексті)” [11, с. 29] з урахуванням прагматичних ознак комунікативного процесу, його невербальних складників [12, с. 41].

Усередині цього напрямку основний акцент робиться не стільки на питання про те, що позначають окремі частини мови, скільки на позначення фрагментів світу, на які вони спрямовані, на ономасіологічні сутності, які можна поставити їм у відповідність. Отже, об'єктом ономасіології є номінативні одиниці різного мовного статусу як результат комплексного мовленнєво-мисленнєвого процесу, який має як психологічні, біологічні, соціальні, фізіологічні, так і власне мовні основи [5, с. 4]. У цьому напрямку у вивченні еволюції мови помітна роль приділяється номінативній діяльності людини з її антропоцентричною природою.